

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 2 (1105).

Суббота, 11 ноября 1944 г.

Цена 45 коп.

Знамя побед

Для всех советских людей установилась священная традиция — в канун великих революционных праздников слушать речь великого, освещавшего проходные пути и намечающего путь в будущее.

Так было в ноябре 1944 года в канун 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Всю и рабочий, колхозник и интеллигент, люди разных профессий, разных возрастов, но единые в чувстве советского патриотизма, слушали Сталина, возвестившего о близящемся окончательном разгроме гитлеровской Германии, о наступающей полной победе Объединенных наций.

«Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти», — сказал товарищ Сталин, и этот итог победоносного 1944 года осветил все сказанное вождем по-особому ясным, праздничным светом. Голосом Сталина говорила сама могучая советская держава, выдержавшая тяжелейшее испытание войной, доказавшая свое военное, политическое, экономическое и моральное превосходство.

Товарищ Сталин подвел итоги победоносных действий Красной Армии за 1944 год. Десять ударов на фронте колоссальной протяженности, десять ударов, каждый из которых всегда будет служить образом воинского умения, мастерства, смелости замысла и решительности в его осуществлении, каждый из которых не имеет для себя аналогий ни в прошлом, ни в настоящем, — эти десять ударов привели к полному овсаждению советской земли от захватчиков, определили победный исход войны для Советского Союза и неминуемый крах гитлеровской Германии, зажатой на тиски «объединенных, координированных действиями сил Красной Армии и войск союзников». Победа эта тем более величественна, что «в нашей войне гитлеровская Германия с ее фашистской армией оказала более мощным, коварным и опытным противником, нежели Германия и ее армия во всех прошлых войнах». Победа эта тем более значительна, что до нынешнего гола Советский Союз боролся с гитлеровской Германией в одиночестве, и несмотря на то, что Германия имела особо благоприятные условия ведения войны «она все же оказалась на краю неизбежной гибели». «Советский Союз превзошел по силе гитлеровскую Германию».

С проникновенной мудростью говорил товарищ Сталин о живых источниках могущества нашей страны, о ее роли в союзе демократических стран и о будущем мира.

Победа наша — результат величайшего единения и сплоченности всех советских людей вокруг задач разгрома врага. Победа наша — результат самоотверженной борьбы миллиардов и миллионов советских людей.

«Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворящий советский патриотизм», — говорит товарищ Сталин. В докладе Сталина наша победа над силами гитлеровской Германии раскрыта так многосторонне. «Победе тому, как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один за один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом». И, наконец, «В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение. Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев».

Эта всесторонняя победа наша над силами фашизма имеет своим источником социалистический строй нашего государства, — говорит товарищ Сталин.

«Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу», — говорит товарищ Сталин.

Непреоборимы силы советских людей, потому что для тех, кто создал самое демократическое, самое человеческое государство мира, не страшны никакие жертвы. Непреоборима сила советских людей, потому что десятилетиями они воспитаны в чувстве человечности, свободолюбия и немыслимо для них состояние рабства.

Проникновенность говория о значениях советского патриотизма, в котором «гармоничные» сочетаются национальные традиции народа и общие жизненные интересы всех тружеников Советского Союза», товарищ Сталин видит в торжестве принципов нашего патриотизма залог мира и дружбы с соседними государствами, «основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами». Идеологическое оружие немецких фашистов чековско-нацистской расовой теории стала на деле источником внутренней слабости и внешнеполитической изоляции немецко-фашистского государства. Наоборот, в торжестве принципов советского патриотизма — условие роста международного авторитета Советского Союза, его дружбы со свободолюбивыми странами. Ход Отечественной войны доказал, что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трех лет, и если он скреплен кровью народов, поднявшихся на защиту своей свободы и чести, то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны. Товарищ Сталин дает высокую оценку

СЛУШАЯ ДОКЛАД ВОЖДЯ

ВЛ. БАХМЕТЬЕВ

В ЧЕМ НАША СИЛА

В дни Октября 1917 года и в последующие годы гражданской войны на полях нашей родины решался величайший исторический вопрос — быть или не быть первым в мире Советской державе.

В 1941—1944 годах на полях нашей родины развернулось невиданное миром единоборство между «передовым отрядом человечества» и всеми черными силами «сердцевиной реакции», между поборниками лучших чаяний человечества и его «заклятыми врагами».

Дело идет «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР».

Дело идет о жизни и смерти той или иной формы существования человечества, всего его будущего, о том, одержит ли верх социалистический строй советского государства, или тиранический режим гитлеровцев — «ценных собак немецких бандиров»; о том, победит ли Бранденбургия, армия советского народа, или «армия брошенников, проливающая кровь ради обогащения немецких баронов и восстановления власти помещиков».

И вот:

Гитлеровская Германия с ее фашистской армией, поработившая производственные силы почти всей Европы и ввергнутая в разой армии своих вассальных государств, «оказалась на краю неизбежной гибели».

И это потому, что «Советский Союз превзошел по силе гитлеровскую Германию».

«Экономическая основа советского государства оказалась несравненно более жизнеспособной, чем экономика вражеских государств».

Отстояв свое отчество, советский народ был спасен от гибели. В словах товарища Сталина — «советская интеллигенция своим созидающим трудом внесла неоценимый вклад в дело разгрома врага» — дана высокая оценка и той доли труда, которую выполнили наши писатели.

Товарищ Сталин в своем докладе подчеркнул величину исторической роли советского народа. «Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромчиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества». Это определение вождя наполнило сердца советских людей их моральной стойкостью, их торжеством над врагом. Проникнутая духом борьбы, гордостью за советского человека, наша литература заняла видное место в духовной жизни воюющего народа. В словах товарища Сталина — «советская интеллигенция своим созидающим трудом внесла неоценимый вклад в дело разгрома врага» — дана высокая оценка и той доли труда, которую выполнили наши писатели.

Фашистский зверь, вскормленный и вынестованный хищническими силами империализма, будет добит в собственном логове.

Такова воля народов, ведомых гением своего вождя.

Г. АХВЛЕДИАНИ

Мудрый учитель

Около 40 лет минуло с тех пор, когда я впервые увидел в городе Тбилиси Иосифа Биссартионовича; мне почастливилось тогда разговаривать с будущим вождем народов. Мне, 17-летнему юноше, делавшему в жизни лишь первые неуверенные шаги, Иосиф Биссартионович указал путь в науку, разяснил ложность моих тогдашних политических увлечений. И с тех пор — в парах ли троих, на студенческой линке, на профессорской ли кафедре — скажеши на меня гениев слова об обеспечении мира всему миру, о нерушимом счастье народов, о будущем свободолюбивого, отвлеченного гуманизма — все то, что искажает реальную правду жизни.

Правдиво писать о современности — это значит глубоко и полно раскрывать подлинное значение социалистического строя жизни и в явлениях, ставших повсеместными, уметь видеть определяющее значение советской системы, советского порядка жизни. Герой нашей литературы есть — будет советский человек, человек, воспитанный в атмосфере свободного труда, ходящий жизни, творец ее. Советскому писателю нетерпимо и нужно сентиментально народолюбие, отвлеченный гуманизм — все то, что искажает реальную правду жизни.

Товарищ Сталин особо подчеркнул величие роли тружеников тыла в завоевании победы. Наша литература не может дальше оставаться в долгу перед миллионами людей, чей повседневный трудовой подвиг не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Наступает завершающая стадия войны, открывается перспектива будущего мира. Стадия Отечественной войны требует всесторонней вооруженности и деятельного участия всего советского народа. К этому призывают товарищи Сталин. И призыв вождя будет подхвачен всеми, так как нет иной цели у советских людей, кроме одной — до конца уничтожить фашизм и утвердить счастье и мир человечества.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Наступает завершающая стадия войны, открывается перспектива будущего мира. Стадия Отечественной войны требует всесторонней вооруженности и деятельного участия всего советского народа. К этому призывают товарищи Сталин. И призыв вождя будет подхвачен всеми, так как нет иной цели у советских людей, кроме одной — до конца уничтожить фашизм и утвердить счастье и мир человечества.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Наступает завершающая стадия войны, открывается перспектива будущего мира. Стадия Отечественной войны требует всесторонней вооруженности и деятельного участия всего советского народа. К этому призывают товарищи Сталин. И призыв вождя будет подхвачен всеми, так как нет иной цели у советских людей, кроме одной — до конца уничтожить фашизм и утвердить счастье и мир человечества.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Наступает завершающая стадия войны, открывается перспектива будущего мира. Стадия Отечественной войны требует всесторонней вооруженности и деятельного участия всего советского народа. К этому призывают товарищи Сталин. И призыв вождя будет подхвачен всеми, так как нет иной цели у советских людей, кроме одной — до конца уничтожить фашизм и утвердить счастье и мир человечества.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что и мой скромный труд

не менее значителен, чем подвиг на рогах. Тема тыла должна занять достойное место в литературе.

Когда великий вождь отмечал в своей исторической речи роль интеллигентии в борьбе с фашистскими погромчиками, я был счастлив, что

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Конкурс детской книги, организованный Наркомпросом РСФСР, вызвал к жизни много повестей, рассказов, поэм и стихотворных сборников.

Я был в числе тех, кому довелось прочитать в рукописи некоторые из этих будущих книг. Я порадовался за маленьких читателей, которым предстоит получить от Детгиза довольно большое количество подарков.

Однако потребность наших детей в книгах самых разных жанров, характеров и стилей так велика, что и этот приток нового материала будет, конечно, далеко не достаточен для того, чтобы восполнить многочисленные пробелы детской библиотеки.

1. О стихах Евгении Трутневой

*Человек с лопатой, с ломом
Колет амур перед дном
И вспоминает
Полосатые куски.*

Так пишет о зиме в своих стихах для детей Е. Трутнева.

Дети не слишком любят читать лирические описания природы, хотя природа и погода играют в их жизни не меньшую, если не большую роль, чем в жизни взрослых.

День, когда выпадает первый снег, они запоминают иной раз на долгие годы. Весенние ручьи приносят им сколько-нибудь дела, что у них нехватает времени стоять в сторонке и предаваться лирическим восторгам.

Недаром народные детские песенки о солнце, дожде и ветре проникнуты не созерцанием, а действием.

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.

Ложки, ложки, перекресты,
Мы поедем в Аристаны.

Все эти песенки-считалки еще сохранили в себе что-то магическое, упавшее с той давней поры, когда они были частью обряда. И дети подхватывали эту веселую магию.

Поэт, пишущий стихи для детей, должен помнить свое детское восприятие мира. У Трутневой есть эта память глаза и память сердца. Она — настоящий поэт и добавок поэт детский, умеющий видеть вещи так же, как видят их дети.

Прочтите ее стихи «В кухне» или «Дождик», и вам станет ясно, что весенне-солнечные, заглавишающие в окно, под котом спаукой свой повесна гамаюк, летний ливень, затопивший огород, где «черви мокнут на гряде, мокнут травы по канавам, птицы «ымокла в гнездах», — все это события огромной важности.

О сбое лекарственных трав или грибов Трутнева говорит с настоящей поэтической страстью: искатель кладов.

Потому так реально выглядят в ее стихах все эти маслята, ряжки, боровики:

«Тонко жутче цыпленка.
Разбрздились кругом маслята,
Слизу донькоши под пленкой.
Сверкну маслята, как же тонк!»

Боровики-боровики!

И красив он и велик!
В толстой шапке насекрен,
Ножка — крепкая, как пень.

Стихи Е. Трутневой о русской природе, о лесе, о ягодах, о морозном снеге, о ветре, о взъерошенных галках Богаты и образами и ритмами.

2. Военные легенды якутов*

Автор этого маленького сборника Анзорий Ольхон записал и перевел стихами шесть легенд, услышанных им из уст якутского сказителя М. Н. Тимофеева-Терешкина.

В каждом сказании есть свои герои. Это — люди из якутского народа, охотники, следопыты, рыбаки. Сегодня они сражаются в рядах Красной Армии. Одни из них — личик, другой — бронебойщик, третий — зенитчик, четвертый — танкист, пятый — понтонер. Четверо беззмянных героев из сказаний «Соззедине якутской руси» — десантники-парашютисты.

Всем этим героям приходится на войне старинный охотничий опыт, переданный им многими поколениями, пригодился зоркость, чуткость, меткость, выносливость — качества, присущие северным охотникам и рыбакам.

«В полях Советской армии
Никите, смык Тыркай.
Дело нашлось по силам,
Хорошо, побеждя деда...»

Хардай, полный охотничьего зверя...

Убивший в ночных сугробах
Снежко-белых псовон бегущих,

В Красной Армии пригодился.

Одни его глаза пронзительны,

Одно — лазурево-синее,

Оба — отрезать на зенток

И поставили командирам...

...О боевых огненных оружиях
Хардай подумался крепко.

Сам, имея чистые химы,

Подбрасывал ауксузовиты...

Все героя баллад сочетают в себе черты охотника и бойца, былинного богатыря и красногвардейца наших дней.

В этом сказании нет ничего нарочито придуманного, искусственного. Мы не раз

встречали в газетах о замечательных снайперах и разведчиках, пришедших на фронт с далекого Севера.

В якутских «военных легендах» и скантер-поэт и поэт-переводчик остро почувствовали и понимали силу такого сочтения. Оно стало основой этой книги, им определяется язык и стиль всех шести баллад.

Художественный торт помог обоим авторам сблизиться и переплыть между собой омытый охотничьим эпосом с живой хроникой нашей Отечественной войны.

В поэтической ткани этих баллад естественно уживаются в самом генном соплеменном эзотерике, звукоуплотнители, блонбоне, снаряды с образами северных птиц и зверей.

«Новый мир», № 6—7, 1954. Лолахан Туманова.

Итак, в «Новом мире»

встречаемся с якутским

затем

и т. д.

Хорошее знание законов народной песни, быльни, предания подсказали авторам прямую и своеобразную форму, соответствующую торжественности большой темы.

И все же книжка Анзория Ольхона не кажется нам вполне законченной и доработанной. То и дело в ней встречаются сломанные, неуважительные и даже неправильные стихи:

«Кинулася истребитель третьему ворону в спину. Или: «Долго спози зяллю». Или: «Думал фанщик прокляты вираж растерзать Никути, с глиной смешать как мусор...» Или: «Из железных вонючих клововброси страшные яйла-бомбы, облегченные сюсью быстра устремились обратна в небо».

Книга значительно выиграла бы, если бы эти неурядицы были устранены.

Поэтическая речь требует от автора умения взвешивать каждое слово.

«Люблю я чистые химы...

Поблоби ауксузовиты...

Все героя баллад сочетают в себе черты охотника и бойца, былинного богатыря и красногвардейца наших дней.

В этом сказании нет ничего нарочито придуманного, искусственного. Мы не раз

встречали в газетах о замечательных снайперах и разведчиках, пришедших на фронт с далекого Севера.

Итак, в «Новом мире»

встречаемся с якутским

затем

и т. д.

Хорошее знание законов народной песни, быльни, предания подсказали авторам прямую и своеобразную форму, соответствующую торжественности большой темы.

И все же книжка Анзория Ольхона не кажется нам вполне законченной и доработанной. То и дело в ней встречаются сломанные, неуважительные и даже неправильные стихи:

«Кинулася истребитель третьему ворону в спину. Или: «Долго спози зяллю». Или: «Думал фанщик прокляты вираж растерзать Никути, с глиной смешать как мусор...» Или: «Из железных вонючих клововброси страшные яйла-бомбы, облегченные сюсью быстра устремились обратна в небо».

Книга значительно выиграла бы, если бы эти неурядицы были устранены.

Поэтическая речь требует от автора умения взвешивать каждое слово.

«Люблю я чистые химы...

Поблоби ауксузовиты...

Все героя баллад сочетают в себе черты охотника и бойца, былинного богатыря и красногвардейца наших дней.

В этом сказании нет ничего нарочито

придуманного, искусственного. Мы не раз

встречали в газетах о замечательных снайперах и разведчиках, пришедших на фронт с далекого Севера.

Итак, в «Новом мире»

встречаемся с якутским

затем

и т. д.

Хорошее знание законов народной песни, быльни, предания подсказали авторам прямую и своеобразную форму, соответствующую торжественности большой темы.

И все же книжка Анзория Ольхона не кажется нам вполне законченной и доработанной. То и дело в ней встречаются сломанные, неуважительные и даже неправильные стихи:

«Кинулася истребитель третьему ворону в спину. Или: «Долго спози зяллю». Или: «Думал фанщик прокляты вираж растерзать Никути, с глиной смешать как мусор...» Или: «Из железных вонючих клововброси страшные яйла-бомбы, облегченные сюсью быстра устремились обратна в небо».

Книга значительно выиграла бы, если бы эти неурядицы были устранены.

Поэтическая речь требует от автора умения взвешивать каждое слово.

«Люблю я чистые химы...

Поблоби ауксузовиты...

Все героя баллад сочетают в себе черты охотника и бойца, былинного богатыря и красногвардейца наших дней.

В этом сказании нет ничего нарочито

придуманного, искусственного. Мы не раз

встречали в газетах о замечательных снайперах и разведчиках, пришедших на фронт с далекого Севера.

Итак, в «Новом мире»

встречаемся с якутским

затем

и т. д.

Хорошее знание законов народной песни, быльни, предания подсказали авторам прямую и своеобразную форму, соответствующую торжественности большой темы.

И все же книжка Анзория Ольхона не кажется нам вполне законченной и доработанной. То и дело в ней встречаются сломанные, неуважительные и даже неправильные стихи:

«Кинулася истребитель третьему ворону в спину. Или: «Долго спози зяллю». Или: «Думал фанщик прокляты вираж растерзать Никути, с глиной смешать как мусор...» Или: «Из железных вонючих клововброси страшные яйла-бомбы, облегченные сюсью быстра устремились обратна в небо».

Книга значительно выиграла бы, если бы эти неурядицы были устранены.

Поэтическая речь требует от автора умения взвешивать каждое слово.

«Люблю я чистые химы...

Поблоби ауксузовиты...

Все героя баллад сочетают в себе черты охотника и бойца, былинного богатыря и красногвардейца наших дней.

В этом сказании нет ничего нарочито

придуманного, искусственного. Мы не раз

встречали в газетах о замечательных снайперах и разведчиках, пришедших на фронт с далекого Севера.

Итак, в «Новом мире»

встречаемся с якутским

затем

и т. д.

Хорошее знание законов народной песни, быльни, предания подсказали авторам прямую и своеобразную форму, соответствующую торжественности большой темы.

И все же книжка Анзория Ольхона не кажется нам вполне законченной и доработанной. То и дело в ней встречаются сломанные, неуважительные и даже неправильные стихи:

«Кинулася истребитель третьему ворону в спину. Или: «Долго спози зяллю». Или: «Думал фанщик прокляты вираж растерзать Никути, с глиной смешать как мусор...» Или: «Из железных вонючих клововброси страшные яйла-бомбы, облегченные сюсью быстра устремились обратна в небо».

Книга значительно выиграла бы, если бы эти неурядицы были устранены.

Поэтическая речь требует от автора умения взвешивать каждое слово.

«Люблю я чистые химы...

Поблоби ауксузовиты...

Все героя баллад сочетают в себе черты охотника и бойца, былинного богатыря и красногвардейца наших дней.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ВСТРЕЧИ

Представим себе невероятный случай. На трибуну подымается оратор и заявляет: —Мея волнуют большие, важные темы, и хотя не знаю, каких выразить и о чём говорить, все же прошу дать мне для доклада три часа...

После такого вступления присутствующим предстает свободный выбор — либо покинуть зал, либо уйти драгоценное время в надежде услышать что-нибудь интересное и полезное, или, на конец, призвать оратора к порядку...

Впрочем, мысль об ответственности писателя, занявшего «печатную трибуну», видимо, и в голову не приходила Виктору Шкловскому, когда он решил опубликовать свой последний сборник «Встречи». Полагая, что достаточно оставить читателю только две возможности: захлопнуть книгу в самом начале или уйти время, Шкловский оградил свой труд посвящением. Оно похоже на анекдотическую автореценцию.

«Это книга о встречах, о советской культуре. О советской культуре и войне. Она отрывочна... Мне хочется говорить с читателем, хотя я еще ничего не могу додумать. И вот я пишу рассказы о разлуках, о потерях, встречах».

Нам хочется узнать, о чём и для кого

Автор попытался было спутать адрес. В посвящении он говорит о своих рассказах: «Я пишу их для тебя, сингелаз, пепельносоловас, теперь седая».

Будь это действительно семейным делом, хватило бы двух экземпляров, но подлежащих общественному обсуждению. Но адрес изменен в первом же рассказе, который начинается словами: «Я пишу для товарищей на фронтах. Пишу друзей на север и юг».

В этом и последующих посвящениях (они предложены к каждому рассказу) обозначился широкий круг авторских наименований. Если принять их вслед за первыми строками книги о второй военной зиме, о перестройке страны во время войны, о том, что с немецкими фашистами сражалась вся советская культура, о встречах с выдающимися людьми нашей родины — книга, обращенная к миллионам. Но посвящение на первом листе заставляет читателя к современной теме.

Первый рассказ «Встречи с Суворовым» в книгах весь соткан из нарочитых недоговоренностей. Трудно уследить за его смыслом не потому, что мысль сложна, а потому, что она подчинена одному лишь принципу склеивания слов в предложении и абзацах. В рассказе меньше всего говорится о Суворове и о книгах, посвященных великому полководцу. Автор интересует один лишь побеседовщик — собственно персона. И рассказ этот — разговор с самим собой, где впереди маячат имена Пушкина, Лермонтова, Важа Пшеница, Майковского, Толстого, Блока, Осипова, адмирала Нельсона, Чулкова (автора «Пригорожней поварихи»), Александра Великого, Ганибала, графа де-Саке, Павла I, Байрона, Булгакова, Данте, Константина Симонова... Весь этот парад интересов — Капице, впереди Капице, а затем и Илья Муромцем...

Главное в книге Шкловского то, что фраза в ней никак не стеснена мыслью и обременена логической последовательностью. «Суворов вошел в память народа седьмь, как Павлов, как Толстой. Было надо писать о мужестве». Как говорится: в горе близнеца... Приведенный нами абзац — завещание рассказа о Капице впереди Капице с Ильей Муромцем.

В рассказе об академике Павлове говорится: «Павлов был человек гордый». Гордость великого русскогоченного Шкловский иллюстрирует таким примером:

«Однажды на собрании он ругал немецкую расистскую теорию. Немец-ученый присадил Павлову записку, где доказывал, что он уйдет из зала, если не прекратят нападки на Германию. Павлов ответил: Вы ищите наудите, потому что вы недостаточно знамениты».

Мы не знаем, насколько достоверны слова, присыпанные Павлову. Но вопрос тут явно поставлен на голову: как будто дело в знаменитости того или иного учченого, а гордость заключается в том, чтобы поставить кого-то недостаточной известностью... Мелко это. И автор выбрал неудачный пример для характеристики действительной гордости науки великого Павлова.

Очевидно, желая поплыть ученыму, Шкловский далее пишет от лица некоего профессора: «Великий это был человек, и замечательный из него вышел бы

командующий фронтом». Возможно, Шкловский думает, что слова Павлова постукивают, если отбросить возможность его военной карьеры. Зачем же гипотетическим величим поменять истинное. Разве место Павлова в русской науке и культуре надо столько весомо? Итак, рассказ о Павлове, об его деле, о большой науке опять не получилось... Главным снова оказалась анекдотика.

Революция открыла самые широкие возможности общения писателя с народом; тысячи слушателей потянулись к народным лицам, к правдивому слову песни, а Шкловский изображает киномасковку, как приближающуюся к которому обращается акции в поисках массовой аудитории.

Шкловский десятки раз вешает: «Надо писать о людях по их делу», «надо писать о людях, не по рассказам их родственников», «надо говорить о человеке, таком, как сейчас веют у нас, или о человеке-академике Павлове». Но, подстегнутый себя, заклинанием, автор, по сути дела, бесцеремонно обращается с именами, которые дороги народу. Он словно не в состоянии связать десять фраз для того, чтобы показать истинно замечательные черты тех людей науки, искусства, культуры, с которыми он встречался вчера.

Еще более поверхностны и сбивчивы рассказы о Яной Польне, о разрушенных немцами городах, о встречах с фронтовиками. Из каждого рассказа можно привести немало итогов, раздражавших своей неожиданной недолечностью.

Книгу глубит перемежающаяся лихорадка безответственных и бесполезных определений. Рассказывая о Вязмье, опустошенной фашистами, автор нашел уместным на двух страницах подряд упомянуть об изгото-вленных приятниками, сообщить свой адрес и тут же изречь афоризм о бессмертии. «Здесь было много востока и меду и потому здесь делали приятники».

При этом здесь приятники, вправе спросить читатель, оживший рассказом о том, как залезают свои руки разрушенными врагами город. Но если упоминание о приятниках — пустяк, характеризующий развязную манеру наполнить книгу чем попало, то иные словесные трюки вызывают уже не улыбку, а протест.

Шкловский, например, утверждает: Подпись — это то, что свидетельствует о страсти. И хотя Шкловский утверждает, что «в Капице главное — большая игра», но в рассказе о Капице главное — разговор героя с портом Резерфордом и о взаимном в этой встрече — камаузур настает английского произношения Капице. Когда дело доходит до характеристики советского физика, автор в растерянности: «Как же писать о Капице? Я могу написать, что он темноволосый... Могу написать, что у него сейчас на лаун-теннисном поле сделаны луники, посажены помидоры и урожай будет хороший. Но надо писать про глазное... Конечно, надо. Например, о большинской науке. Тем более, что мы готовы поступиться известием о хорошем урожае помидоров, а взамен услышать что-нибудь о научном урожае института, руководимого Капицей. Но напрасны наши желания. Абзац следующий за фразой: «Надо писать о глазном» — относится уже не к Капице, а к Илье Муромцу...

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем. Они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным сенсациям, автор себе ясно представляет, как не следует поступать писателю и чего ждут от литератора в дни войны. Но порочный круг литературных ассоциаций и заблуждений не дает ему возможности более трех-пяти секунд стоять на реальной почве. Едва промелькнувшись, он не в силах вырваться из строп литературного патриархата, который волочит его и обивает об углы книжных полок и доселе невостребованных цитат. Цитаты и анекдоты, притянутые к живой интуиции, автор наивно называет рассказами и еще требует, чтобы они несли нагрузку больших и важных тем.

Судя по многочисленным

К столетию со дня смерти И. А. Крылова в юбилейном комитете

Вчера, 10 ноября, под председательством Н. Тихонова состоялось заседание юбилейного комитета по ознаменованию 100-летия со дня смерти великого русского баснописца И. А. Крылова. Были заслушаны сообщения о ходе подготовки к юбилейным дням в столице и по стране.

Большим тиражом издаются книги Крылова и о Крылове. Гослитиздат выпустил однотомное полное собрание басен, изданное «Молодая гвардия» — сборник басен и пьес Крылова в серии «Молодежная эстрада». Воениздат выпустил сборник крьловских басен для библиотеки красноармейца. Детгиз — для школьников.

Гослитиздат выпускает к юбилею первого тома полного собрания сочинений Крылова, книгу «Белинский о Крылове» и др. Сборник пьес Крылова готовят изданство «Искусство», однотомник его басен со вступительной статьей Демьяна Бедного выпускает Военно-Морское издательство.

Массовым тиражом издаются произведения великого баснописца на родных языках в Азербайджане, Таджикистане, Туркмении и в автономных республиках РСФСР. В ряде городов готовятся крьловские выставки. Наркомпрос РСФСР выпускает плакат для клубов, библиотек и читален.

Большую работу по ознакомлению тружеников с творчеством Крылова проводят Всесоюзный радиокомитет. На предприятиях столицы, в воинских частях и в Центральном Доме Красной Армии проведены десятки лекций о Крылове. Московская филармония устраивает циклы юбилейных концертов.

На заседании комитета были обсуждены практические мероприятия, связанные с подготовкой и проведением юбилея.

ИЗДАНИЯ НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР

КИРГИЗИЯ

Киргизские писатели А. Токомбаев, К. Баянов, Шукурбеков и А. Осмонов закончили перевод на киргизский язык около 30 басен И. А. Крылова, которые будут изданы отдельным сборником с предисловием и статьей о жизни и творческой деятельности великого русского баснописца. Автор статьи и предисловия — научный сотрудник Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук Тазабек Саманин.

КАЗАХСТАН

Семипалатинский государственный музей имени казахского народного просветителя и поэта Абая готовят выставку, посвященную жизни и творческой деятельности И. А. Крылова. Немалую роль в творчестве Абая сыграл русский баснописец и первые перевода Крылова на казахский язык привнесли Абая; в числе переведенных Абаем басен — «Дуб и тростник», «Крестьяне в беде», «Белый богач», «Осел и соловей», «Вороненок», «Стрекоза и муравей», «Музыкант», «Ворона и лисица», «Лягушка и вол», «Слон и Моська», «Пестрые щучьи», «Осел» и др.

УЗБЕКИСТАН

Ташкентское центральное лекционное бюро организует цикл лекций о жизни и творчестве И. А. Крылова. Лекции будут сопровождаться художественным чтением произведений великого русского баснописца. В качестве лекторов приглашены профессора, доценты и научные работники Академии наук СССР и Академии наук УзССР. Темы лекций: «Казын и творчество А. Крылова», «Язык басен И. А. Крылова и его роль в развитии русского литературного языка», «И. А. Крылов и его значение в истории сатиры», «1812 год в произведениях И. А. Крылова» и др.

Публичная библиотека в Ташкенте готовится к юбилею со дня смерти русского поэта-баснописца И. А. Крылова. На предприятиях, заводах и фабриках проводятся лекции, доклады и беседы о жизни и творческой деятельности Крылова.

Педагогический институт организует научную сессию. Будут заслушаны доклады: «Патриотизм и народность в творчестве Крылова», «Тема защиты родины в произведениях Крылова», «Язык басен Крылова», «Крылов драматург».

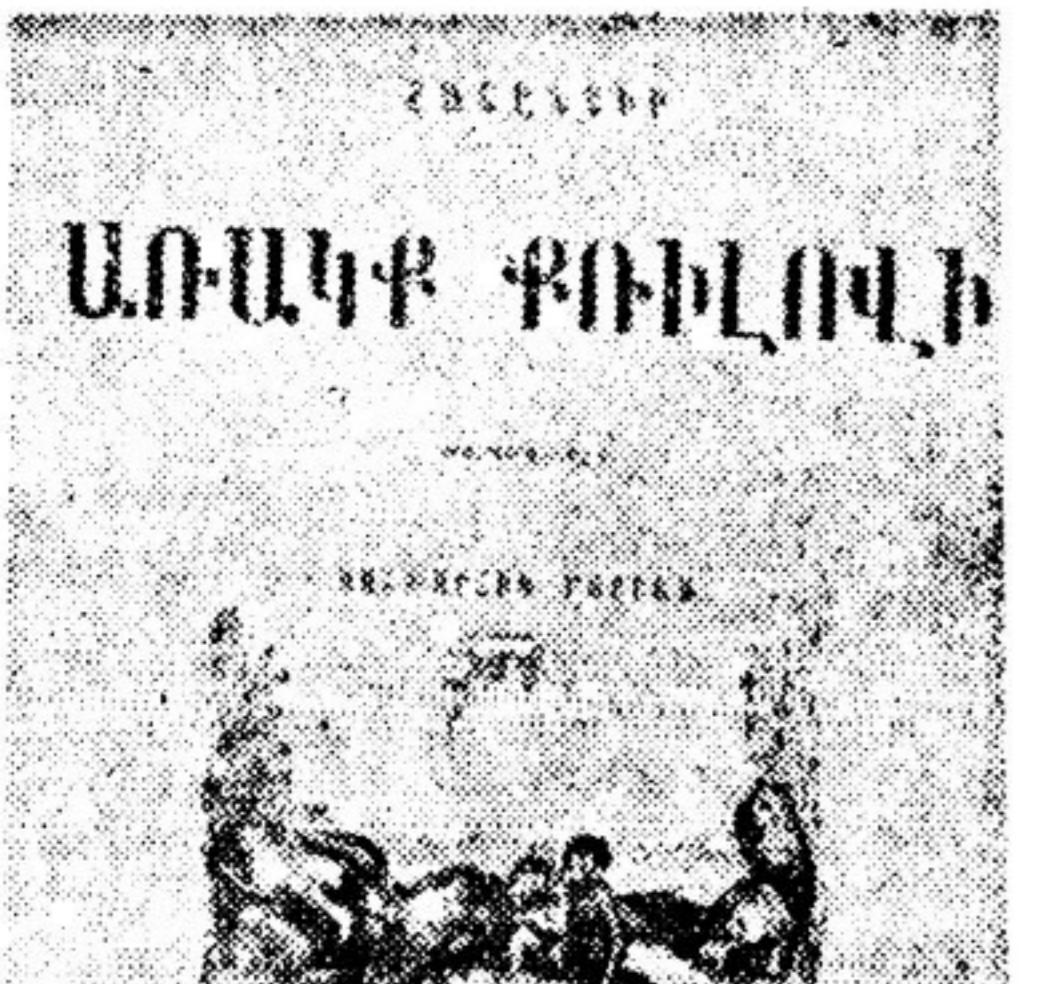
Андижанский городской парктайнет готовит выставку, посвященную И. А. Крылову. В школах будут проводиться литературно-художественные вечера.

АРМЕНИЯ

В ССР Армения был заслушан доклад проф. Г. Абова о И. А. Крылове. Докладчик охарактеризовал особенности творчества великого русского баснописца и рассказал, как армянские перевода разные времена разными методами старались передать своеобразие произведений И. А. Крылова.

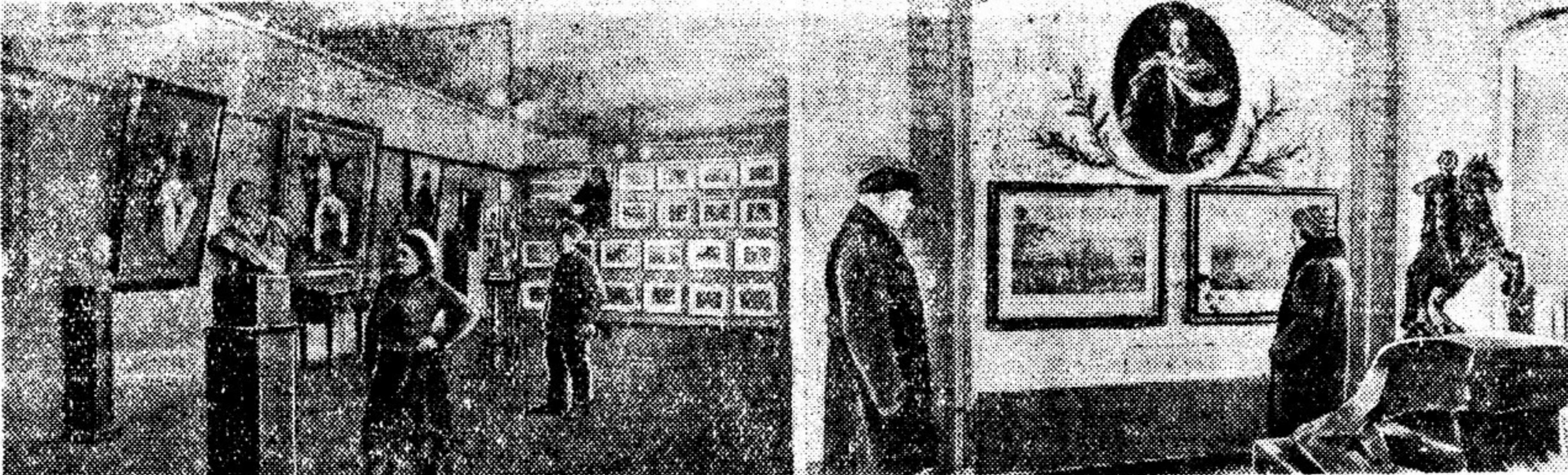
Первые переводы басен на армянский язык были сделаны в 1845 году Т. Захаряном, который перевел одиннадцать басен, в том числе «Чиж и еж», «Лев на ловле», «Мартышка и очко». В 1849 году А. Карапетян перевел несколько басен: «Слон на воеводстве», «Лебедь, шука и рак» и другие.

В конце доклада проф. Абов прошел свои переводы басен Крылова.

Обложка первого издания избранных басен Крылова на армянском языке. Книга вышла в 1866 г. в Феодосии в переводе Айвазовского.

Литературная газета № 2

В Харькове восстановлена разграбленная немцами выставка произведений Т. Г. Шевченко. На снимке — зал выставки. Фото Г. УГРИНОВИЧА

В Ленинграде в Домике-музее Петра I открыта выставка, посвященная основанию Петербурга. На снимке — один из разделов выставки. Фото В. ФЕДОСЕЕВА.

КНИГА В СОВЕТСКОЙ ЛАТИЗИИ

РИГА. (От нашего спец. корр.).

Немецко-фашистские захватчики вывезли все типографское оборудование из городов Резекне и Лудзе, разгребли три рижские типографии. Полностью разрушена полиграфическая база в Даугавпилсе, Илгаве, Чешне. В этих городах были отличные типографии, большие склады бумаги. Все это уничтожено. Сильно пострадали и в книжных магазинах. В отдельных типографиях были уничтожены только писатели, напечатанные на немецком языке.

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».

Следы в набор: роман А. Улитка «Зеленая земля», написанный в дни Великой Отечественной войны, рассказы Айны Сасе, А. Григулиса, рассказы и пьесы В. Лапшина, роман эстонского писателя Иоганнеса Семперса «Камень на камень».